

Боже мой! Он привёл меня к этому старому государственному наставнику, старому чудовищу! Это жестоко!

Внутреннее пространство Астрономического приказа было организовано по принципу девяти дворцов и восьми триграмм. Без проводника Хэ Сы не смог бы выбраться даже из первого двора.

Пройдя через лабиринт из девяти дворцов, он увидел перед собой древнее, строгое трёхэтажное здание в форме пагоды. Над входом красовалась надпись: «Обсерватория Динкунь».

Перед зданием росли два старых дерева, а под ними стояло кресло-качалка. В нём сидел человек в лёгком, развевающимся даосском плаще и наблюдал за кипящей водой на маленькой глиняной жаровне.

Увидев его, Хэ Сы не выказал подобострастия, как это делали другие, но и не забыл о приличиях. За пару чжан он сделал почтительный поклон:

— Младший приветствует господина На Иня.

«Обновление. В конце главы вас ждёт маленький сюрприз».

— Я человек одинокий, откуда же у меня взяться такому взрослому «младшему»? — холодно отозвался государственный наставник в даосских одеждах.

Он по-прежнему не отрывал взгляда от жаровни с углями. Его лоб был гладким и высоким, нос — прямым, и, если не считать нескольких седых прядей на висках, по лицу никак нельзя было определить его легендарный столетний возраст.

Хэ Сы не обиделся на его резкость. Когда-то, сопровождая своего названного отца по дворцу и за его пределами, он несколько раз видел этого государственного наставника. Тот всякий раз осыпал его отца язвительными насмешками, ставя того в неловкое положение. Будь на месте отца кто другой с его вспыльчивым нравом, обычного человека давно бы уже ободрали, набили кожу и вывесили на городских воротах для устрашения.

Но этот был иным. Говорили, что господин На Инь, прослуживший государственным наставником при трёх династиях, обладал способностями, простиравшимися до небес и уходившими в землю, — настолько великими, что могли бы заткнуть за пояс самого бессмертного. Превращение бобов в воинов было для него пустяковой уловкой. Однажды, ещё при покойном императоре, случилась великая засуха, усугублённая нашествием саранчи. На полях не уродилось ни зёрнышка, дороги были усеяны трупами умерших от голода, даже у богатых семей в столице почти не оставалось запасов. Казалось, Великой Янь скоро придёт конец, и даже без вмешательства других государств.

Покойный император, не зная, что делать, со слезами на глазах и в сопровождении названного отца Хэ Сы пришёл ко входу в Астрономический приказ. Он наговорил целую телегу лестных слов, помянул всех восемнадцать поколений своих императорских предков и чуть не пал ниц перед аркой приказа, пока наконец не упросил господина На Иня выйти из затворничества.

Эту историю названный отец рассказывал Хэ Сы. В то время Хэ Сы ещё боролся за выживание среди гор трупов и не мог лицезреть величественное зрелище того, как господин На Инь возводил алтарь и призывал дождь.

Отец рассказывал с таким жаром, что брызги слюны летели во все стороны, описывая то чудесное зрелище как нечто мистическое и божественное.

В тот день палящее солнце висело в зените, выжигая землю дотла, даже хвосты драконов-шивэней на дворцовых крышах подплавились от нестерпимого жара.

На алтаре поставили небольшой столик длиной в три чи, на котором разместили лишь старую курильницу для благовоний и медный треножник неопределённого возраста. Под треножником не было ни огня, ни дров, но вода внутри него клокотала и бурлила. Господин На Инь в одиночку поднялся на алтарь, сначала возжёт три благовонные палочки, а затем в руке его внезапно появился кинжал размером с ладонь. Названный отец никогда не видел такого изысканного оружия из холодного железа. Когда клинок вышел из ножен, все присутствующие почувствовали, как ледяной холод от подошв пронзил их до макушки. В ту погоду, когда казалось, будто люди вот-вот растают от жары, они внезапно ощутили себя в лютый зимний холод.

Дальнейшие события были и вовсе удивительными. Хэ Сы, будучи тогда ещё несмышлёнышем, от скуки постоянно приставал к отцу с просьбами пересказать эту историю. В конце концов отец, потеряв терпение, выпорол его и отправил на три дня чистить выгребные ямы. Только тогда Хэ Сы угомонился и перестал выпрашивать.

Хотя с тех пор прошло несколько лет, Хэ Сы до мельчайших подробностей запомнил живой рассказ отца.

Он говорил, что в момент, когда кинжал был извлечён, господин На Инь двинулся с быстротой молнии и совершил хватательное движение в сторону юго-восточного угла дворца. Под безоблачным небом, над величественными стенами императорского города внезапно раздался пронзительный крик, похожий то ли на журавлиный, то ли на орлиный.

Но названный отец, вытаращив глаза, не смог разглядеть в небе ни единого пера. Зато сам Сын Неба, почтенный император, стоял бледный как полотно и, дрожа, наблюдал за действиями своего государственного наставника, долго не решаясь вымолвить ни слова.

Господин На Инь совершил движение — схватил что-то пустое и швырнул в клокочущий медный треножник. Раздался оглушительный звук «пуф!», и в воздух взметнулся смрадный пар.

Отец говорил, что за всю жизнь не нюхал вони сильнее — будто в помещении нагромодили целую кучу гниющей рыбы и креветок. Многих тут же стошнило. Сам он, стараясь сохранить достоинство наместника Восточной палаты, сдержался, но по возвращении три дня не мог есть и чуть не отправился на тот свет от голода.

Кипяток в треножнике булькал и клокотал, будто взрываясь, а затем постепенно утих. Безоблачное небо между тем сгустилось тучами, с дальнего края небес докатился громовой раскат, и долгожданный ливень обрушился на землю, промолив до ниток всех собравшихся во дворе — и господ, и слуг. Лишь государственный наставник на высоком алтаре остался сухим до последнего волоска. словно бессмертный, он убрал кинжал и удалился, парящей походкой.

Позже покойный император тайком рассказал названному отцу, что в день призыва дождя он собственными глазами видел, как государственный наставник вырвал из пустоты странную птицу, целиком чёрную. На голове у птицы был хохолок, хвостовые перья — необычайно длинные, отдалённо напоминая фениксов с дворцовых балок и стен. Не говоря уже о цвете, но даже по её багровым глазам можно было понять, что от неё исходила густая, зловещая аура.

Отец выслушал, но не придавал этому значения. В конце концов, покойный император в те годы увлёкся даосскими практиками в надежде обрести бессмертие и перепробовал множество сомнительных пилюль. Отец полагал, что тот попросту свихнулся, стал видеть то, чего нет.

Хэ Сы внутренне придерживался того же мнения, но эта история всё равно произвела на него неизгладимое впечатление. Поэтому к этому государственному наставнику он испытывал определённое почтение. Даже столкнувшись с насмешкой, он сделал толстокожую мину и пропустил её мимо ушей, ответив:

— Вы старше меня на много лет, называть вас старшим — естественно.

На Инь: ...

Он перевёл на Хэ Сы холодные глаза, фыркнул — непонятно, от удовольствия или раздражения, — и оставил его ждать, пока не приготовился чай. Сняв крышку с чайника, он наконец произнёс:

— Садись.

Под деревом изначально было лишь одно кресло — то, на котором он сидел. Откуда же было сесть Хэ Сы?

Хэ Сы только начал недоумевать, как вдруг замер: рядом с жаровней появился низкий столик и круглый табурет.

Он моргнул, в душе засомневавшись: «Неужели я перебрал с пилюлями защиты сердца, и у меня начало двоиться в глазах?»

Пока он пребывал в лёгком ступоре, тот уже нетерпеливо нахмурился:

— Не сядешь — проваливай.

... Хэ Сы не стал «проваливать». Хэ Сы, сохраняя невозмутимое выражение лица, уселся у жаровни. Он было потянулся, чтобы налить чай, но едва его лапа приблизилась к чашке, как её отхлестали чайной ложкой. Он вскрикнул от боли, в душе вспыхнул лёгкий гнев, но не успел открыть рот.

На Инь, наливавший чай сам, равнодушно бросил:

— Осмелишься лишнее слово пикнуть — на три года неудач прокляну.

... Хэ Сы глубоко вдохнул. Чёрт побери, неужели на свете существует тварь ещё более бесцеремонная, чем он?!

Не просто существует, а сидит прямо перед ним.

На душе у Хэ Сы было горько, но сказать он не смел. Он и так уже по уши в долгах, если ещё три года будет преследовать чёрная полоса, ему, пожалуй, останется только взять пояс, повеситься у ворот Министерства финансов и покончить с собой.

На Инь неспешно налил чай в две чашки. Аромат чайного настоя смешался со струйкой лёгкого пара.

Возможно, из-за мистической атмосферы этого места и его хозяина, Хэ Сы, глядя на вьющийся

чайный дымок, почувствовал, что его очертания изгибаются как-то загадочно. Но сколько ни вглядывался, так ничего и не разобрал.

На Инь отхлебнул пару глотков и протянул бледную руку:

— Давай.

Хэ Сы на мгновение опешил, но, увидев, как на лице собеседника вновь появляется нетерпение, готовое вот-вот вылиться в приказ убираться, озарился догадкой. Он вытащил истрёпанную книгу из рукава и протянул её.

На Инь лишь двумя пальцами, с видом крайнего отвращения, взял потрёпанный томик. Его тёмные, бездонные глаза безразлично скользнули по двум крупным иероглифам на обложке: «Коварный евнух».

Истрёпанная книга: ...

Ы-ы-ы, как страшно! Как волнительно! Ох, как хочется попросить у моего милейшего господина наместника пилюль защиты сердца!

Неподвижные, как воды древнего колодца, глаза На Иня, казалось, не заметили ничего необычного. С тем же брезгливым видом он раскрыл книгу, и, увидев содержание, приподнял бровь.

Хэ Сы наконец уловил на его лице тень иного выражения и тут же спросил:

— В этой книге есть что-то неладное?

На Инь долго и пристально смотрел на первую страницу, а затем с глубокомысленным видом изрёк два слова:

— Нет.

Истрёпанная книга: !!!

Хэ Сы, полный ожиданий, чуть не поперхнулся от этих слов. В полном недоумении он посмотрел то на книгу, то на На Иня, размышляя про себя: «Неужели этот старый шарлатан на самом деле всего лишь высококлассный мошенник, строящий из себя мистика?»

<http://bllate.org/book/16284/1467136>